

Татяна Соколова

Мнопланетянка

Татьяна Соколова

Инопланетянка

«Издательские решения»

Соколова Т.

Инопланетянка / Т. Соколова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745850-8

Подростковый возраст. Проблемы со сверстниками. Первая любовь.
Отношения с родителями. Хочется улететь подальше, когда понимаешь, что ты инопланетянка.

ISBN 978-5-44-745850-8

© Соколова Т.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	12
5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Инопланетянка

Татьяна Соколова

© Татьяна Соколова, 2018

ISBN 978-5-4474-5850-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Банка с алой краской. В руках кисть. Я вывожу на асфальте крупные яркие буквы. Такие, что их сложно будет не заметить, выглянув с балкона, сложно будет пропустить, отправившись в магазин. Признание на асфальте – очень удобный способ рассказать о своих чувствах. Никому не мешает, а все равно, что огромный праздничный плакат, кричит о том, что чувствуешь. Мне четырнадцать – время первой любви и первых признаний. Любовь перевернула всю мою жизнь, из тени превратила в человека.

Вывожу красные буквы, старательно, аккуратно. Вспоминаю обычный день, когда все изменилось.

1

Утро крадется в окно с прохладным воздухом из форточки. Пташки трудятся и помогают будильнику выполнять его работу. Я разлепила глаза, будто только того и ждала, когда будильник наконец сообщит «пора».

Прошлепала к шкафу и посмотрела в большое зеркало. Лицо и руки цвета ржаного хлеба. Последние несколько дней солнце ни на минуту не оставляло меня без внимания. Одноклассники на майские праздники разъехались по курортам, а мне было совсем не до лежания на шезлонге. Тело ныло, мышцы болели – отходили после выходных на даче. Даже в солярий ходить не надо. Самый лучший способ загореть – многочасовая работа на свежем воздухе.

Было раннее утро или поздняя ночь. Четыре часа утра. Спали все, кроме нас и комаров. Роса оседала на спортивных штанах мокрыми пятнами. На головах шляпы с сетками, в которых обычно смотрят пчелиные ульи. Но бояться в четыре утра стоит не пчел. Темное время суток – время охоты комаров, прямо как у вампиров.

Все еще слышу, как они жужжат и кружатся вокруг, пытаются найти голый участок тела и впиться в него, оставляя гигантский волдырь. В деревне комары какие-то особенно кровожадные. От их укусов кожа распухает, а если почесать остаются глубокие шрамы. Один кровопийца пробрался прямо под пчелиную сетку, уселся на лицо и вцепился в щеку. Ни о чем не могу думать, пока не прищелпну. Бабушка ворчит, требует не останавливаться. Скоро солнце проснется, комаров не убавится, а жалить будут еще и огненные лучи.

Работать в жару очень тяжело. Пот льется, голова раскалывается, все мысли о купании, но какой тут, когда такой огромный огород. Не до отдыха. Отдыхать будем во время обеда и сна.

Раньше очень хотелось играть в игрушки. Тогда-то я и придумала игры с обычными предметами, которые оживали в моих руках, как в сказке. С фантазиями работа казалось не такой трудной.

Пока другие ковырялись в песке совками, мы наполняли лопатами большие металлические ведра с песком и таскали. Помогали перестраивать старый деревенский дом. Таскали песок, гальку, кирпичи. Кладешь в ведро три штуки и несешь. Ручки слишком маленькие и не могут удержать сразу много, вот и используешь ведро, как носилки.

Во дворе бочка с цементом. Чем не аттракцион для скалолазания? Только подставок для ног нет – гладкая поверхность. Подпрыгнешь, зацепишься за край люка и подтягиваешься на руках. Заползаешь змеей внутрь и зачерпываешь полное ведро. В ноздрях образуется клейкий цементный раствор, хоть сразу бери и клади фундамент.

В жару лучшее спасение – полив растений. Главное не перестараться и не залить улей. Веселье до поздней ночи – спасаешься от преследования острых жал. Одно вонзилось мне между глаз, лицо так опухло, что было трудно узнать – я стала похожа на осу.

Маленькая, сгорбленная бабушка в половину меня ростом, а энергии, как у паровозика, пыхтит, но с пути не сворачивает, знай, делает свое дело, пашет сразу две грядки.

– Ай! Кусают! – кричит она, хотя закаленная от комаров.

Всю жизнь живет в деревне, кожа грубая, пересушенная на солнце, обветренная, потрескавшаяся от земли и воды, но и она чувствует, кровожадных певцов у своего уха, ощущает, как их носы проникают под кожу. И вот она уже танцует на грядке, вместо того, чтобы копать. Так странно видеть бабушку танцующей, она никогда этого не делает, потому что ей некогда.

Свои восемьдесят она прожила в вечных заботах о добывании хлеба. Жила как все живут в деревне, бедно, но честно, трудясь и не жалуясь. Она никогда нигде не была, не ездила на море, не купалась в реке, не каталась на велосипеде, не летала на самолете, никогда у нее не было выходных. И она ждет от других того же.

Я знаю, что сегодня будет длинный день, и мы не уйдем с огорода до тех пор, пока не опустится солнце и не станет совсем темно.

2

Некогда крутиться перед зеркалом и рассматривать загар, пора приниматься за работу, как учила бабушка, без труда и отдыха, пока не сядет солнце.

Я горжусь тем, что сама зарабатываю на кино, пирожные, а не клянчу у родителей, но все равно не могу заставить себя не стесняться того, что делаю. Не хочу чтобы кто-то узнал, чем я занимаюсь по утрам и вечерам, когда одноклассники, развалившись на диванах, щелкают пультом от телевизора. Четырнадцать – тот возраст, когда все норовят обидеть, и так легко на кого-то обидеться.

Я старательно избегаю попадаться на глаза даже охранникам и выбираю такое время, когда в школе никого нет. Как-то стыдно работать уборщицей. Стыдно потому, что никто не захочет дружить с «поломойкой» или пригласить ее в кино. Я живу в реальном мире, а не в сказке. И знаю, что чудес не бывает. Платье на выпускной не появляется из волшебной палочки, его ночами, вместо сладкого сна, шьет мама. А принц даже в сказке любил красавицу, а не замарашку, улучшенную копию Золушки, над которой долго работала парикмахер и стилист фея. Все предпочитают ухоженных, покрашенных и напудренных, с чудесным макияжем и длинными ногтями принцесс.

Я посмотрела на свои мозолистые, все в ссадинах руки, короткие обрубки вместо ногтей. Разве кто-то захочет поцеловать такую руку? Прислонила ведро и швабру к стене у туалета, натянула длинные, по локоть, ярко желтые перчатки, и обратилась к швабре, обнимая ее за место, которое в моем воображении было талией.

– Месье, не хотите ли потанцевать? – смеюсь над собой и разговариваю с предметами. Мне нравится представлять, что они мне отвечают. Они никогда не обидят и не ударят и всегда делают то, о чем я их мысленно прошу.

– Нет? Ну, как хотите, – я поставила швабру в угол, как наказанную, а сама обняла рукой ведро, полного металлического кавалера – коротышку, – А как вам мои новые бальные перчатки? Правда, они чудесные? Вам нравятся? Конечно, я с удовольствием потанцую с Вами.

Я сделала несколько поворотов на одном месте и посмотрела на пятна голубой краски на ведре, похожие на два глаза.

– У такой нестандартной девушки может быть только такой нестандартный кавалер, – я печально улыбнулась голубоглазому принцу Ведро, и сообщила, – Пора вам набрать воды и немного освежиться, – вместе со своими помощниками отправилась в туалет. Люблю начинать с самого неприятного.

На полу окурки, вокруг унитазов пепел и плевки, тоже самое с раковинами. Поправила перчатки цвета лимонной цедры, насыпала побольше моющего средства, чтобы перебило запах и было не так противно.

Недавно мыла полы в классе во время дежурства. Кто может, тот платит уборщицам, и они моют за них. Моя семья не в состоянии себе этого позволить, приходится мыть самой.

– Эй, Тоня, давай мы будем платить тебе, и ты будешь за нас мыть. Джинсы себе новые купишь, – смеется Пашка, наблюдая, как я выметаю шелуху от семечек.

Весь урок английского он лугал семечки и бросал их на пол, помогал мне продлить дежурство и сделать его незабываемым. Его друг Саша и того хуже. Харкается прямо на пол или высморкается, а сопли об столешницу оботрет. Что не сделает ради меня? Очень любит. Девчонки гораздо более деликатные в этом отношении, жвачку наклеят, фантики в стол подкладывают.

Вместе с двумя своими помощниками зашла в светлый кабинет и принялась выгребать мусор из корзины в пакет. Потом взялась за пыль, полила цветы и стала натирать полы.

Мыть полы совсем несложно. Тяжелый труд – это когда студенты – родители после учебы мчались на работу, утром мели двор, а ночью работали охранниками, готовились к экзаменам и умудрялись получать красный диплом, с пятью детьми на восьми квадратных метрах в коммуналке. Заработать карманные деньги, вымыв полы— это способ получить удовольствие, возможность купить шоколадку, новую одежду или сходить в кино, только и всего. Хочешь красиво жить – зарабатывай.

Мыть в учительской вообще одно удовольствие. Никаких черных разводов от ботинок, никаких семечек и жвачек, плевков и огрызков. Все равно, что моешь собственную квартиру, где только что побывала толпа родственников. Довольная тем, что дело идет быстро, коридоры оказались чистыми, а день обещал быть приятным и солнечным, я принялась напевать песню. Танцевать с кавалером, пусть даже шваброй, было приятнее под музыку.

Дойдя до конца кабинета, сгребла в кучу мусор и наклонилась, чтобы прополоскать тряпку. Не разгибаясь, я толкнула дверь спиной и попятилась, подтягивая за собой ведро и замечая тряпкой следы. Вдруг почувствовала, что карманы джинсов уперлись в какое-то препятствие. Я повернулась и увидела черные кроссовки, синие джинсы, рубашку, стала подниматься с колен, чтобы взглянуть в глаза незваному гостю, и случайно зацепилась за ручку ведра. Оно опрокинулось, а вода полилась, выметая неизвестного из учительской, и залила коридор.

Я снова схватилась за тряпку и опустила на колени, собирая грязную воду. Времени гадать о том, кого протаранила своей пятой точкой, не было катастрофически.

– Извини, – незнакомец схватил тряпку для пыли и стал умело управляться с небольшим наводнением, направляя поток в ведро.

– Откуда ты взялся на мою...

– Я услышал шум в учительской и пошел проверить. Меня предупреждали, что кто-то придет мыть, но я не думал, что так рано.

– Не рано, а поздно. Мне еще в школу нужно успеть, – я подхватила ведро, вырвала тряпку из рук, не желая оставлять на память о себе этот несчастный грязный клочок ткани, – А еще первый этаж мыть, – и наконец, посмотрела на наглеца, посмеявшегося нарушить мой романтический обмен любезностями с ведром и шваброй.

– Давай я в качестве извинения тебе помогу.

Предложение о помощи от парня, охранника? Это было что-то новенькое. С чего ему мараться?

– Ты шутишь? – я так и уставилась на него, не стесняясь своего вида и как бы спрашивая, ты вообще видел, кто я? В руках ведро, швабра, тряпка, мешок с мусором.

– Нет, я серьезно, – он широко улыбался.

– Я тебя знаю?

– И я тебя, – он кивнул, а я вдруг залилась краской смущения, – Только на мне в прошлый раз было одежды меньше.

После этих слов на моих щеках можно было стготовить яичницу.

Я отлично помнила его загорелое тело, покрытое капельками пота, блестящее на солнце, оживающие мышцы на руках, которые управлялись с лопатой и мотоблоком с одинаковым мастерством.

Потная и грязная после долгой работы разогнула спину и посмотрела на отца, который привел подкрепление. Тяжелая артиллерия в виде мотоблока и папиного одноклассника с сыном была как раз тем, что могло помочь им победить многочисленного врага – не вспаханную землю и мешки с непосаженной картошкой.

– Приветствуем, трудящихся, – сказал дядя Ваня за себя и за сына, – Помощь вызывали?

Ответить у них сил не было. Весь их вид говорил сам за себя. Я скользнула взглядом по Косте, который стоял рядом со своим отцом и ждал команды начинать работу. Высокий, с темными прямыми волосами, в черных шортах, голый по пояс, он напоминал Маугли, кото-

рый только что вышел из джунглей, рок-звезду, кого угодно, а не пахаря. Раньше она никогда не думала о нем в таком духе, когда строили снежные крепости и бросались друг в друга снежками. Переживала, что попадала ему прямо в лицо, это да, но то, какое оно симпатичное заметила только сейчас.

Необходимость продолжить работу не дала дольше фантазировать на Костин счет. Я схватила ведро и принялась бросать картошку, торопясь, успеть как можно больше, пока он здесь.

Нас с Костей злой рок преследовал. Если мы встречались, обязательно что-нибудь происходило. На рыбалке, я умудрялась закинуть крючок так, что обязательно подцепляла его штаны. Когда пошли за ягодами, случайно спугнула змею, и та укусила Костю, оказавшегося поблизости. Нogu обвязали платками, чтобы яд не распространился, а Костю увезли в больницу. Зимой он тянул санки, на которых я сидела, катал по заснеженным дорогам, споткнулся и ударился подбородком о ледяную глыбу. Прикусил язык так сильно, что в нем была дыра, и пришлось везти зашивать. Последней каплей стала стрельба из самострела. Костя и брат сделали их из старых хоккейных клюшек. Привязали прищепки, взяли мешок гороха и устроили тир – стрельбу по металлическим банкам. Дали мне самодельную винтовку и уселись, чтобы посмотреть, как справлюсь. Выстрелила я отменно, с зажмуренными глазами так, что ранила бойца. Горошина влетела в забор, и отрекошетила прямо в Костин глаз. Захотела бы сделать нарочно, точно промазала бы. Глаз не переставал слезиться, а мама Кости взволнованно спрашивала, что произошло. Я боялась, что Костя выдаст.

– Веткой попал, – соврал он, не глядя в мою сторону, и я почувствовала желание поблагодарить за защиту. Вот только его желание распадалось с моим.

Казалось, Костя расхотел встречаться. Звонок его велосипеда больше не звучал за окном, не летели в стекло мелкие камушки. Брат сам ходил в соседнюю деревню, где жила бабушка Кости, и находился районный молодежный клуб. Он наряжался, душился отцовским одеколоном и отвечал отказом на просьбу взять ее с собой.

– От тебя одни беды, – сказал он, и стало ясно, что это Костя просил друга избавиться от общества сестры – Лиха одноглазого.

– Так что? Помощь нужна? – повторил Костя, напоминая о своем присутствии, и я согласно кивнула.

Вдвоем мы быстро досмотрели второй этаж на предмет мусора, спустились на первый, вымыли коридор с разных концов, встретившись ровно посередине.

– У тебя там что, батарейки энерджайзер встроены? Еле за тобой поспел.

Я пожала плечами, не зная, как ответить на явный комплимент с его стороны.

– Спасибо, что помог.

Мы сложили все в подсобку и пошли вместе мыть руки.

– Папа говорил, что взяли нового охранника, но я не думала, что это ты.

– Тебя это огорчает? – спросил Костя, смывая мыло.

Наши пальцы случайно встретились под струями воды.

– Нет, – я отряхнула руки и отерла их о джинсы, – Предыдущий охранник любил с друзьями пить, и мыть полы по вечерам было опасно, а утром выкроить время сложнее. Так что я очень рада.

Было что-то интимное в том, как мы вдвоем мыли руки в мужском туалете.

– Я побежала, а то в школу опоздаю, – оправдала я необходимость прервать трепетный момент, – Еще увидимся.

Широкая улыбка полумесяцем качалась на моем лице, когда я вприпрыжку добралась до дома. Оказывается, и в школе случаются приятные вещи. Правда, не в родной, и не в учебное время.

3

Дома я быстро переделалась в школьную форму, схватила рюкзак и побежала дворами в школу. На общественном транспорте с некоторых пор не езжу. По пробкам добираться столько же, сколько пешком быстрым шагом.

После последнего раза охота ездить пропала. Я стояла в толпе. Юбочка ниже колен, белая блузка – одета по форме, единственная из всего класса. Просто потому, что этим удобно оправдать отсутствие обширного гардероба. Было очень тесно, теснее, чем шпроты в банке уложены. В этой тесноте руки и ноги пассажиров оказывались, у кого где. Поэтому когда я почувствовала, как чья-то рука задрала юбку, решила, что это случайность. Попыталась отодвинуться, хотя было некуда. Рука последовала за мной, как в ужасниках про красную руку, когда она летит без хозяина сама по себе. У этой руки хозяин был. С виду человек приличный в рубашке и галстук, пихался без стеснений за мной, будто мы вместе, и продолжал проверять, что под моей школьной формой надето. Меня трясло, от невозможности спастись от преследователя, язык будто цепями сковало. Я всегда теряюсь в подобных ситуациях и молчу, хотя надо кричать. На остановке выскочила в почти закрывающиеся двери, оставив преследователя среди множества других юбок и ног. Так и хожу с тех пор в школу пешком, и юбки носить перестала.

Иду мимо стадиона. Знакомое дерево. Уютное местечко, в котором удобно спрятаться от посторонних глаз и заняться чем-нибудь запрещенным. Здесь как-то застучала нашу классную четверку. Дымят, подражая актерам с экрана телевизора. Рядом крутится какой-то маленький мальчик. Они дышат ему дымом и суют в лицо сигарету. Это уже ни в какие рамки не влезает, и я не могу сдержаться.

– Вы совсем?! Ошалели?! Он же маленький.

Узнаю Наташиного младшего брата. Конечно, она сама может за него постоять, она полноправный член классной элиты, а я низшая каста, не имеющая права голоса.

– Валила бы ты, – говорит Наташа, а ее младший брат, подражает писклявым, еще не оформившимся девчачьим голосом:

– Вали!

И кто меня за язык тянул? Шла бы своей дорогой. Меня окликают.

– Погодь, – Паша подлетает и придерживает чуть выше локтя.

– Что? – понятия не имею, что ему еще от меня может понадобиться, пока не чувствую горячий пепел, прожигающий тонкую ткань блузки и касающийся руки.

– Спасибо, пепельница. Теперь свободна. Понадобишься, позову, – он возвращается под дерево под одобрительный хохот друзей.

Школа – аттракцион 5Д, где я становилась участницей фильма ужаса, пыталась выжить среди опасностей, и остаться незараженной после общения с существами, претворяющимися людьми.

И должна сознаться, удавалось мне это не всегда.

4

Мы с Кариной сидели, наполовину просунувшись в шкаф, и рассматривали ленты с диафильмами.

– Вот ты везунчик. А у нас проектора никогда не было, – Карина хватала пальцами ленту и раскатывала каждую попавшуюся под руку, а потом, не сворачивая, бросала обратно в коробку. Я убирала за подругой, как учили родители, аккуратно брала диафильм двумя пальцами за края и скручивала, чтобы не повредить пленку.

– У тебя за то в каждой комнате DVD, тебе диафильмы не нужны. Мы смотрели диафильмы вместо мультиков.

– Подари мне несколько диафильмов, – она попыталась придать голосу нотки мольбы, – Настоящие подруги должны дарить что-то друг другу. Я тебе потом тоже подарю.

Я представила, что скажут родители. Диафильмы были ценностью. Но как отказать Карине? Так хочется подружиться с этой прекрасной девочкой с лицом ангела. Большие голубые глаза, длинные вьющиеся волосы цвета утреннего солнца. Туфли, блузка и сарафан как будто из королевского гардероба. Все так и сверкает и пахнет луговыми цветами. Так и хочется сделать ей что-то хорошее. А что, если родители обнаружат пропажу и начнут ругать? А мама от огорчения начнет плакать, что ее дочь выросла врунней и воровкой? Своровала да еще у кого? У собственных родителей! Я не выносила, когда меня ругали, но еще больше не выносила безразличия. Мне так хотелось понравиться. Новый класс, новые лица, новые друзья – это был мой шанс.

– Хорошо, бери, какие понравятся.

– Класс, – Карина принялась набивать карманы диафильмами. Сарафан был слишком узким, и ленты посыпались обратно, запрыгивая на старое место – в свою любимую коробку от обуви, но Карина не терпела непослушания, и повторила попытку.

– Я сейчас свой рюкзак принесу, – она заторопилась в коридор, где оставила школьную сумку.

Я оглянулась на нее, а потом схватила горсть диафильмов и быстро затолкнула в шкаф без коробки, прикрыв старым журналом.

– Ты только все не бери, а то родители догадаются.

– Хорошо, и вам что-нибудь оставлю, – и она принялась за дело, – Прочитала надписи на всех лентах, отобрала самые интересные и забила ими карманы рюкзака, от чего тот раздулся, как хомяк от угощения.

– Что теперь будем делать? Ты когда-нибудь в цирк ходила? Видела недалеко от школы шатер? Я была там с мамой, потом еще раз с папой. Мне очень понравилось. Тигры прыгали сквозь кольца, мне дали поддержать удава и фоткали с кроликом и собакой. А около цирка куча аттракционов и качелей, я покаталась на всех по три раза, и папа выиграл для меня упаковку жевательной резинки, – Карина показала длинную пластинку, напоминающую упаковку от таблеток, внутри которой тряслись и подпрыгивали разноцветные шарики.

Жевательная резинка считалась бесполезным лакомством, и мне ее никогда не покупали.

– Зубы чистьте, это полезнее, а если щетки нет, рот водой полощите – здоровее будете, а от жвачки будет живот болеть, вы же ее вместо пяти минут целый день жевать будете.

Я чувствовала, что мои глаза стали круглыми, как шарики в упаковке, а во рту непроизвольно выделилось большое количество слюны. Так хотелось попробовать хотя бы одну жвачку.

– Дашь попробовать? – я увидела, как подруга достает розовый шарик и запихивает себе в рот, я уловила манящий клубничным ароматом.

Карина не спешила с ответом, раздумывая, должна ли она поделиться после того, как я сделала ей подарок в виде коллекции диафильмов.

– Вот, бери, – она повернула упаковку другой стороной, где были открытые ячейки, – Я их пожевала, но они еще сладкие, бери любую. Эта клубничная, эта со вкусом яблока, – рассказывала она, но я не слушала. Я не хотела белый смятый комок резинки, я хотела круглую конфетку, которую Карине было жалко отдавать.

– Ты знаешь, я вспомнила, что родители запрещают мне жевать резинку, спасибо большое.

– Как хочешь, – Карина выплюнула дожеванную резинку в ладонь и затолкала обратно в упаковку мокрую и слюнявую. Взяла новую и принялась чавкать.

Мне не хотелось стоять рядом, ощущать запах и глотать слюни, я встала, чтобы уйти на кухню и выпить стакан воды. Поняв, что ей не перед кем больше красоваться, а я не собираюсь умолять, Карина убрала жвачку и пошла следом.

– Так что, пойдем в цирк? Родители дали мне денег на обед с запасом, у меня осталось и на цирк и на сладкую вату, – Карина шарила глазами по бедной обстановке кухни.

Шкафчики накренились и скрипели, когда их будили прикосновением, в умывальнике гора грязной посуды, на столе нет вазы с печеньем и конфетами, а в открытую дверцу хлебницы выглядывает единственный хлебный сухарик. Поживиться здесь было абсолютно нечем, и на угощение рассчитывать не приходилось.

– У меня денег нет, – созналась я печально, будто считала личным недостатком, помыла посуду, вытерла два стакана и предложила Карине единственное, что было, – кипяченую воду, – Если ты подождешь, я суп приготовлю, сегодня моя очередь.

– Нет, спасибо, – Карина стала открывать и закрывать шкафчики, вдруг обнаружится еще что-то редкое, чего у нее нет. Стол по ее просьбе высунул свой язык, и в ящике зазвенели монеты – О, смотри, какая-то мелочь. Может, наскребешь на сладкую вату.

– Эти деньги нельзя брать, это на хлеб, – я покачала головой.

– Да что ты заладила? Хлеб ты ешь каждый день, а сладкая вата – это редкость. Цирк не каждый день приезжает прямо к твоей школе. Сегодня он есть, а завтра нет. К тому же ты можешь купить не вату, а альбом, новые фломастеры, твои давно не пишут, я пробовала ими порисовать – один скрип. Купишь что-то полезное для себя и сестер, мама еще и похвалит.

Такая идея пришлась мне по душе, и я стала выгребать звонкие монеты. Я так и дрожала от предчувствия удовольствия и страха перед расплатой. Что скажет мама о том, что я взяла без спроса деньги? Я же верну в семью то, что куплю, уговаривала я себя, значит воровством это можно не считать, и быстро спрятала деньги в карман. Руки были влажными и потными, монеты не хотели отлипнуть и всячески упирались, не желая забираться в карман, но я проигнорировала их попытку остаться дома и никуда не ходить. Проигнорировала и свой голос, который твердил, что поступаю плохо. Я просто твердила себе, что обо всем остальном, кроме похода в цирк, буду думать после. Сейчас я хотела думать только о предстоящем развлечении и о том, что впервые в своей жизни потрачу деньги на себя. И ничего, что это не мои деньги.

Всю дорогу в цирк и обратный путь я пыталась сосредоточиться на удовольствии, которое еще немного и испытаю. Но удовольствие не приходило и уступало место страху, упрекам совести. Я все время спрашивала у Карины время, озиралась, будто боясь, что неожиданно появиться вся семья и уставится осуждающим взглядом: «Не сделала уроки, не сварила суп, не купила хлеб и потратила деньги. О чем ты вообще думала?» Я так и слышала, как братья и сестры дразнят обидным, но заслуженным «воровка». Я своровала деньги на хлеб и теперь им нечего будет есть, кроме жидкого овощного бульона. И никакие фломастеры от этого не спасут. Одна надежда, вдруг мама забудет, что просила купить хлеб и по дороге с работы зайдет в магазин. Тогда могут не заметить пропажи мелочи, может, решат, что уже потратили. Можно настаивать на этом, а неприлично большую пачку фломастеров где-то спрятать на время.

– Можешь хранить мои фломастеры у себя до завтра?

– Конечно, – с легкостью откликнулась Карина, ее рюкзак быстро проглотил новое угощение, и красивые цветные палочки исчезли в глубине между книгами.

Все мои страхи и опасения оправдались, и все вышло именно так, как я и представляла. Хлеб никто не купил, про деньги не забыли, а на семейном совете меня выставили в центре комнаты. Никто не кричал, тихая грусть и осуждение таились на их лицах, но это было еще хуже. Лучше бы они ударили, боль была бы сильная, но быстро затихла. Внутри все дрожало, точно также как дрожала мамина губа, когда она говорила, дрожали ее губы и ресницы. Я чувствовала, что стала в глазах родных черной, все мои плохие поступки проявились на одежде и коже темными неисчезающими пятнами. Я плакала, пытаюсь своими горькими слезами смыть прилипшую грязь.

– Ладно, я надеюсь ты усвоила урок, – сказала мама, обращаясь ко всем, с видом человека, который исчерпал все доводы и считает, что больше говорить не о чем, – Неси покупку, покажи остальным.

Я разразилась новыми рыданиями, и сквозь бормотание мама с трудом различила слова: «отдала».

– Ну, хорошо. Предлагаю всем немного отвлечься и посмотреть диафильм, – мама подошла к шкафу, а я закрыла лицо руками.

Как я ненавидела себя. Ненавидела за свое желание понравиться, за то, какой способ для этого выбрала – обокрала своих самых близких людей.

На следующий день, когда я попросила Карину отдать фломастеры, она отказалась.

– Надо было сразу брать. Я маме сказала, что это я их купила, так что теперь не могу вернуть, – ни извинений, ни сожалений Карина не выразила, – Упаковка такая большая, что она сразу заметит пропажу.

Ворованные фломастеры были переворованы.

5

Иногда так хочется заполучить пузырек Алисы с уменьшающей жидкостью и стать крохой, невидимой никому, вместо этого превращаюсь в немомго горбуна и вхожу в класс.

На пороге стоят «двое из ларца», как я их называю. Саша и Паша. У них даже имена созвучные. Плотные габаритные шкафчики, головы квадратные, руки в боки. Встречают. Кого добрым словом, кого поцелуем крепкой руки. Втиснуться между ними проблематично, и я втягиваю в себя все, но кости не хотят вваливаться. Нога касается черного блестящего ботинка с узким крысиным носом, похожим на старуху Шапокляк. Спотыкаюсь, но мне удается устоять и не упасть. В конце концов, за четыре года у меня выработался рефлекс, и я научилась держать себя в равновесии.

– Кривоногая! Глаза по утрам мыть надо, – раздался из-за спины довольный смешок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.